

СОВЕТСКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И СОЮЗНИКИ ПО АНТИГИТЛЕРОВСКОЙ КОАЛИЦИИ: ВЗГЛЯДЫ И ПРОБЛЕМЫ ВОСПРИЯТИЯ

И.О. Колдомасов

*Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова,
Магнитогорск,
koldomasov@inbox.ru*

Аннотация. В годы Второй мировой войны советской интеллигенции принадлежало особое место в системе межсоюзнических отношений. С одной стороны, ее представители были «народными ораторами», чей статус и известность должны были способствовать развитию и укреплению взаимоотношений Советского Союза с США и Великобританией, а с другой – именно эти качества вызывали пристальное внимание к интеллектуальной элите со стороны органов государственной безопасности. Советское руководство стремилось использовать творческую и научную интеллигенцию, как своего рода «приманку», которая стимулирует интерес западных государств к СССР. При этом границы дозволенного всегда были под полным контролем партийной и политической элиты. Среди интеллигенции бытовали как горячее желание вырваться из-под правительственной опеки, так и откровенный конформизм во взаимоотношениях с властными структурами, обусловленный мотивами самосохранения.

Столь же неоднозначным было отношение представителей советской интеллигенции к союзникам. Имея более широкие (в сравнении со среднестатистическими гражданами) источники для получения информации о западных государствах, включая личное знакомство с известными деятелями науки и искусства за рубежом, советские интеллектуалы могли довольно глубоко и точно обрисовать основные тенденции во взаимоотношениях с союзниками и представить их социально-психологические портреты. Однако имела место и субъективная оценка Запада: поражение в войне могло заставить советских писателей, художников, композиторов искать убежища за рубежом, что сдерживало откровенную критику в адрес союзников. Результатом такого рода двойственности стал многоуровневый и далеко неоднозначный образ западных союзников, который транслировался в массовое сознание советского общества, что и требовалось руководству страны

Ключевые слова: советская интеллигенция, антигитлеровская коалиция, союзники, советские писатели, Еврейский антифашистский комитет, цензура, образ союзников

Введение

Представители советской интеллигенции в военные годы занимали важное место в социальной стратификации общества, находясь между государственной и партийной элитой и народными массами. Уровень образования и культуры данной группы значительно превышал не только показатели большинства обычных граждан, но и уровень многих работников партийного аппарата. Этот фактор способствовал расширению возможностей ознакомления с внутренней жизнью государств антигитлеровской коалиции преимущественно за счет использования дополнительных источников информации (например, литературы и радиопередач на иностранных языках). С другой стороны, интеллигенция находилась под чутким надзором органов государственной безопасности, результатом деятельности которых могла стать немилость или даже опала со стороны кремлевской элиты. Однако определенная специфика во взглядах на английских и американских партнеров у деятелей науки и искусства все же существовала.

Уже с самого начала Великой Отечественной войны вся деятельность советской интеллигенции была направлена на обличение фашизма и призывы к международной солидарности, адресованные интеллектуальным элитам всего мира, в том числе Англии и США. Публичные выступления писателей и артистов и помещенные в газетах заметки и призывы выглядели крайне идеологизированными и дублировали установки властных структур в красивой литературной форме. Например, в очерке А. Фадеева «Единение славянских народов в борьбе против гитлеризма» доминировала мысль о соединении усилий трех держав в битве с врагом: «Народы Советского Союза и народ Англии ведут смертельную борьбу с залившими кровью мир фашистскими ордами. Этой освободительной борьбе помогают США, этому сочувствует весь демократический мир, все передовое человечество»¹.

Тексты подобного рода нередко облекались в форму писем, не имевших конкретных адресатов, а выражавших призыв к активным действиям союзников или немой укор по причине отсутствия последних. Так, Л. Леонов в письмах «Неизвестному американскому другу» описывал многочисленные зверства фашистов на территории СССР и призывал американцев выступить против Гитлера не без доли злой иронии: «Я не умею разгадать логику зреющего в недрах ваших генеральных штабов великого плана разрушения фашизма. Я простой человек, который пишет черным по белому для миллионов своего народа. Может быть, я не прав, но только мне всегда казалось, что злодей, который в цинковой коробке травит окисью углерода пятилетнюю девочку, заслуживает немедленного удара не в пятку, а в грудь и лицо. Конечно, все дороги ведут в Рим, все же кратчайшее расстояние между двумя точками есть прямая...»².

Таких публикаций было несчетное количество, лейтмотивом в них была идея мобилизации усилий англичан и американцев на помощь в борьбе с фашизмом. Схожие послания поступали и в СССР, иногда персонально на имя деятелей науки и искусства, их содержание нередко выражало восхищение действиями советских

¹ Афанасьева 1985, 64.

² Афанасьева 1985, 169–170.

союзников³. Но со стороны советской интеллигенции в посланиях звучал упрек, который должен был стимулировать интеллектуальные круги США и Великобритании к оказанию давления на правящие круги своих стран для активизации помощи СССР.

Выяснить истинное отношение интеллигенции к партнерам по коалиции представляется более трудоемкой задачей. В печатных произведениях, карикатурах и прочих наглядных формах старательно выдерживалась официальная государственно-партийная линия, что также служило гарантией собственной востребованности на творческом поприще. Например, в качестве обязательного элемента жизни в союзном государстве изображалась эксплуататорская сущность отношений между владельцами предприятий и простыми рабочими. А. Корнейчук в своей пьесе «Фронт» привел похожий эпизод в диалоге командующего И. Горлова с братом Мироном: последний два года провел в Америке, где работал инженером на заводе Форда и отзывался об этом периоде с неприязнью. На просьбу брата объяснить причины этого негатива, Мирон говорил: «Трудно было вначале, с ума сходил, чтобы не отстать, выгнали б. Насилу ноги из цеха выносили после работы. Ни есть, ни пить – падал, как мертвый»⁴. Однако степень автоматизации производства в США намного превосходила советскую, что сознательно умалчивалось драматургом для формирования «правильных» взглядов у советских читателей.

Еще одним постоянным сюжетом в произведениях интеллигенции было обращение к проблеме второго фронта, что одновременно служило выражением настоящих чаяний советских людей и выполнением политического задания. В повести К. Симонова «Дни и ночи» комбат Сабуров принимал приехавшего из Москвы журналиста Лопатина и угощал походной пищей: «Вот американские консервы, – сказал Сабуров, – прошу. Мы тут между собой, шутя, их вторым фронтом называем»⁵. Тем самым ставился акцент на несоответствии декларируемой помощи союзников ее реальным масштабам.

Даже в военных очерках, предназначенных для иностранных газет и журналов, известные советские писатели и публицисты буквально звали к государствам антигитлеровской коалиции. Например, И. Эренбург в декабре 1942 г. агитировал заокеанских журналистов: «Европа ждет Америку. Каждый день – это сотни, это тысячи спасенных жизней. Время покончить с кровавой ночью Европы»⁶. Ближе к концу войны очерки писателя изменились: подчеркивая успешные действия антигитлеровской коалиции, Эренбург выделял растущую мощь Советского Союза на международной арене, игнорировать которую для западных государств крайне неразумно. В январе 1945 г. он обращался к гражданам США: «Я надеюсь, что американцы с присущей им любознательностью начнут изучать нашу страну. Пора оставить разговоры о том, что русские только потому побеждают, что русский солдат всегда бывал храбрым <...> Чем раньше американцы усвоят, что мы сильная и вполне современная страна, что наши победы не

³ Бабин 1985.

⁴ Правда 24.08.1942.

⁵ Симонов 1967/2, 91.

⁶ РГАЛИ. Ф. 1204. Оп. 2. Д. 216. Л. 63.

случайные выигрыши, а плоды дерзаний и трудов, тем лучше будет и для нас, и для Америки, и для мира»⁷.

Неоднозначность восприятия союзников в среде интеллигенции воплощалась в дневниковых записях, особенно, когда в них фигурировали впечатления от личных контактов. Например, К. Симонов, работавший военным корреспондентом в годы войны, нередко встречался с английскими и американскими коллегами. Любопытно, что многие его впечатления выступают литературно обработанным отражением эмоций рядовых советских граждан, впервые встретившихся с союзниками лицом к лицу. Так, привычка следовать традициям и чопорность англичан выражались не только в том, что офицеры в военных условиях возили с собой по пять одеял и по небольшой брезентовой ванне («уважающий себя англичанин без ванны не проживет»), но и в подписи каждого за порцию виски (30 грамм) в специальной записной книжечке. Практический смысл проделываемой операции (любой офицер мог рассчитать сумму трат на личные нужды) для советского писателя был заслонен смешной мыслью о советских бойцах, расписывающихся за каждую выпитую рюмку водки⁸.

Отдельные элементы жизни за рубежом, помимо непонимания и иронии, вызывали у советской интеллигенции и раздражение. Например, председатель Еврейского антифашистского комитета (ЕАК) С. Михозлс делился «бытовыми» впечатлениями от посещения США: «... не дают второй чашки кофе, по вторникам ничего мясного (курица, гусь, утка, индейка и т. д. мясом не считаются). Ботинки по ордеру»⁹.

Особенно нелестную оценку получала иностранная, в частности – американская кухня. Карикатурист Б. Ефимов вспоминал эпизод, когда он вместе с коллегами проживал в «Гранд-отеле» во время Нюрнбергского процесса и питался зарубежными «изысками»: «... американская кухня здесь – это что-то чудовищное по невкусности и неаппетитности. Это – пресные каши, лежалые яйца, консервированное мясо с вареньем, котлеты с кремом, соленые огурцы с сахаром, все сладкое, все приторное. Особенно донимает то, что к столу вместо хлеба подается сладкий кекс с изюмом, с которым надо кушать и суп, и мясо»¹⁰. Когда же один из членов делегации получил передачу из Москвы с маринованной селедкой и бутылкой водки, вечером был устроен «праздничный» ужин с «деликатесами».

Безусловно, восприятие английской и американской культуры в среде советской интеллигенции выходило за рамки бытовых сюжетов, так как общий объем информации о союзниках и жизни за рубежом у интеллектуальной элиты был достаточным. Особо выделяло интеллигенцию среди остальных слоев населения знание иностранных языков. Политическая или экономическая подоплека отношений трех государств выступала важной верхушкой айсберга, основанием которого были культурные контакты и интерес к истории США и Великобритании.

Такая же познавательная функция и интерес наличествовали у представителей западной интеллигенции, но степень политизированности каждого шага советских людей, в том числе ученых, писателей, художников высокого ранга была

⁷ РГАЛИ. Ф. 1204. Оп. 2. Д. 257. Л. 2об.

⁸ Симонов 2004, 350–354.

⁹ РГАЛИ. Ф. 2693. Оп. 1. Д. 56. Л. 11.

¹⁰ Ефимов 2000, 429.

несоизмеримо выше по причине все той же «излишней» информированности интеллигенции. В отдельных случаях контроль доходил до абсурда. Например, в феврале 1942 г. заведующая Английским отделом ВОКС Л. Кислова обратилась к председателю Союза советских композиторов Д. Шостаковичу с просьбой организовать просмотр присланных из Великобритании партитур, написать статью об английской музыке и письмо в адрес современных британских композиторов. Когда все перечисленное было выполнено, на письмо перед отправлением в Англию была наложена жесткая резолюция со стороны сотрудника Наркомата иностранных дел Ф.Т. Гусева, будущего посла на Туманном Альбионе. Претензии касались незнания(!) английской музыки советскими композиторами и неверной характеристики ряда мастеров британской музыки прошлого – Перселля, Генделя, Эльгара – как великих композиторов. (Последнее замечание отражало личное мнение самого Гусева.)¹¹

В итоге письмо подверглось переделке в самом ВОКСе, после чего было отправлено в Англию. Из текста исчезли все хвалебные фразы, характеризующие английскую музыку, из списка выдающихся композиторов была исключена фамилия Генделя (вероятно, из-за его немецкого происхождения), зато появилось много информации о творчестве советских композиторов¹². Неизвестно, как сами авторы начального текста письма – Д. Шостакович, Р. Глиэр, А. Крейн, А. Оголевец – реагировали на эти ремарки, но вряд ли такое отношение к их труду способствовало развитию музыкальных связей между двумя странами.

Подобная «опека» со стороны властей выражалась в жестком регулировании выездов интеллигенции за границу. В культурной среде постепенно вызревала идея об организации совместного советско-американского турне деятелей культуры, поддерживаемая дипломатами. Посол в США К.А. Уманский считал, что посылать нужно только самых известных людей – И. Эренбурга, Д. Шостаковича, С. Эйзенштейна, В. Пудовкина. Реакция американцев будет соответствующей, и они готовы будут направлять деятелей с именем (Санбург, Драйзер)¹³. Но советское правительство не спешило поддержать данную инициативу, оставляя государство закрытым для иностранцев. Исключением выглядели и ответные визиты.

Наиболее значимым событием стала отправка лидеров ЕАК С. Михоэлса и И. Фефера в Соединенные Штаты летом–осенью 1943 г. Цель поездки была очевидной и прежде всего экономической – «укрепить просоветские настроения на Западе и побудить американских евреев к оказанию СССР материальной помощи»¹⁴.

Вопрос о приезде был поставлен самим А. Эйнштейном перед советским посольством в Вашингтоне и получил (с оговорками) положительное разрешение в Москве. Количество членов делегации было сокращено с 6 до 2 человек, перед выездом Михоэлса и Фефера инструктировали Л. Берия и А. Щербаков, предостерегавшие лидеров ЕАК «против участия в каких-либо незапланированных встречах и дискуссиях без санкции советских дипломатов»¹⁵. Фигура И. Фефера

¹¹ Невежин 1990, 210–212.

¹² Невежин 1990, 213.

¹³ ГАРФ. Ф. 8581. Оп. 1. Д. 1. Л. 19.

¹⁴ Костырченко 1996, 185.

¹⁵ Костырченко 1996, 186.

в качестве компаньона С. Михоэlsa также не была случайной: он считался типичным культуртрегером, преданным партии человеком, исполнявшим функции согладателя.

Огромный резонанс поездки подтвердился на всех социальных и политических уровнях. Представитель Комитета по кинематографии в США М. Колотозов писал своему начальству в Москву, что «приезд Михоэlsa был решающим фактором, расположившим к нам еврейские круги и давшим значительный материальный результат»¹⁶. Само руководство ЕАК, отчитываясь перед ЦК о результатах поездки, явно переоценивало свои достижения, утверждая, что «Михоэlsу и Феллеру удалось объединить все слои еврейского населения», а поездка «расценивалась зарубежной печатью как поворотный пункт в деле сплочения еврейских масс на борьбу с фашизмом»¹⁷.

Советские власти отреагировали на успех поездки ограничением деятельности ЕАК: долго не удовлетворяли просьбы о создании еврейской газеты, делегации ЕАК не могли посещать конференции Всемирного еврейского конгресса (ВЕК), как чисто сионистской организации, что привело к разрыву ЕАК и ВЕК. Итогом деятельности комитета стал его роспуск в ноябре 1948 г. (в связи с распространением антисоветской пропаганды и сотрудничеством с иностранной разведкой) и арест 125 его членов¹⁸.

Таким путем советское правительство использовало еврейскую часть интеллигенции СССР для укрепления международного престижа государства и избавилось от нее как от носителя чуждой идеологии при первом удобном случае. Другие представители советской интеллигенции в годы войны имели гораздо меньше свободы в вопросах сотрудничества с Западом и были склонны к компромиссу с властями.

Не стоит отрицать и корыстный мотив в ходе сотрудничества с союзниками, хотя его правильнее отнести к влиянию тяжелых условий военного времени, а не к личным качествам деятелей культуры и науки. Например, в январе 1942 г. академик Е.В. Тарле направил в ВОКС письмо, где согласился написать вступительную статью к американскому изданию «Нашествие» за помощь в снабжении некоторыми продуктами (Тарле жил в эвакуации в Казани). Академик жаловался, что заграничные издательства «до сих пор ни единого гроша фактически <...> не прислали ни натурой <...> ни деньгами», несмотря на обильнейшую долларовую жатву, собираемую американскими и прочими издателями¹⁹. Ответ из ВОКСа содержал просьбу поторопиться со статьей и объяснение, что средства из-за границы за издание трудов Тарле в Литературное Агентство не поступали²⁰.

Случались ситуации, когда деятель интеллигенции, выполняя волю советских властей, оказывался опозоренным в глазах западных союзников. Такая история произошла с писательницей В. Инбер, пережившей ленинградскую блокаду и встретившейся с иностранными корреспондентами, чтобы поведать ужасы этого явления. На деле рассказ писательницы подчеркивал героизм жителей города, в

¹⁶ РГАЛИ. Ф. 2456. Оп. 4. Д. 80. Л. 56.

¹⁷ Цит. по: Петрова 1999, 271.

¹⁸ Петрова 1999, 286–290.

¹⁹ ГАРФ. Ф. 5283. Оп. 14. Д. 99. Л. 24.

²⁰ ГАРФ. Ф. 5283. Оп. 14. Д. 99. Л. 68.

том числе интеллигенции, которая смогла выжить и работать в тяжелых условиях, и опускал подробности голода, трагедий, смертей – Инбер не ответила на вопросы о нормах хлеба, о температуре в помещениях и других вещах, забыть которые переживший блокаду не мог. Иностранцы корреспонденты были разгневаны (в зале слышался шепот: «Сука»), разразился скандал, писательница в слезах покинула помещение, а ее имя для иностранцев стало «символом казенной лжи»²¹.

Однако мотивы поведения Веры Инбер были абсолютно ясны: решение таких вопросов, как публикация и размещение в нужных изданиях новых произведений находились в прерогативе советских властей, регулировавших печать литературных новинок и создающих непреодолимые препятствия для работы «неудобным» литераторам. Политические мотивы поведения Инбер доминировали над моральными: потеря репутации казалась писательнице меньшей ценой за нужную ложь для заграницы, чем литературная опала в родной стране.

Личные связи советской интеллигенции с зарубежными деятелями науки и искусства также находились под контролем и корректировались при необходимости. Например, давний знакомый карикатуриста Б. Ефимова – английский художник Дэвид Лоу в целом характеризовался положительно («средний» англичанин). Однако после отправки в Англию письма по заданию ВОКСа и прочтении ответа в «Вестнике иностранной служебной информации» ТАСС под грифом «Секретно» Ефимов заговорил о Лоу «с прохладцей», подмечая, что на карикатурах художника не всегда можно было понять, чью сторону тот занимал – простого британского народа, к чьему мнению апеллировала советская власть, или руководства Великобритании, чьи действия критиковались. Причиной этого можно считать оправдательную тактику Лоу, говорившего о неготовности Великобритании к военным действиям и о безусловном желании помочь стране Советов, но в будущем времени. Ефимов, отмечая обычные для Лоу искренность и симпатии к СССР, подчеркивал общую тактику английских союзников: «Медлительность Англии вызывала у нас разочарование и даже негодование»²². После войны, когда острота политических противоречий пошла на спад, отношения художников возобновились.

Безусловно, не весь спектр восприятия союзников определялся политической конъюнктурой. По-другому оно отражалось в дневниковых записях советской интеллигенции – здесь чувствовались горечь, боль, радость, надежда, попытка понять и проанализировать складывающиеся внутри антигитлеровской коалиции отношения в отрыве от большой политики (или в связи с ней). Редактор «Красной Звезды» Д. Ортенберг, вспоминая о неформальных встречах писателей и журналистов с иностранными корреспондентами за дружеским столом, писал, что во время обсуждения злободневной темы второго фронта публицист И. Эренбург постоянно перебивал выступления английских и американских коллег вопросом: «Почему не открываете второй фронт?». Эренбурга пытался одергивать корифей писательского цеха А.Н. Толстой: «Замолчи, хватит уже...»²³. Эти две линии – искреннее негодование, связанное с переживанием за судьбу родины, и осторожность с опасением нарушить какую-нибудь нить в механизме контактов – как

²¹ Улановская, Улановская 1994, 160–162.

²² Ефимов 2000, 353.

²³ Ортенберг 1997, 228.

нельзя лучше демонстрируют отношение к союзникам в среде советской интеллигенции.

Эмоциональные мотивы просматривались в личных записях многих представителей интеллигенции, особенно – в начале войны. 5 августа 1941 г. писатель Ю.Л. Слезкин в дневнике поносил действия дружественных держав: «Союзники – сволочи, митингуют и чешут затылки – или выступить? Или не выступить? Достаточно ли прочно истощен союзник, чтобы ему можно было помочь так, чтобы потом сесть на шею...»²⁴.

Разочарование в союзниках как в военных партнерах встречалось и позже. Весной 1944 г. жена кинооператора Г. Болтянского записала в дневнике: «Сегодня Международный Женский день. Я втайне мечтала, что союзники откроют второй фронт в начале марта и что этот день будет днем ожидания близкой победы и ликования во всех странах. Но, по-видимому, второй фронт откроется тогда, когда наши войска вступят за наши границы! Англичане во все века любили воевать чужими руками»²⁵.

Сын поэтессы М. Цветаевой, 15-летний Г. Эфрон, анализируя международное положение, предсказывал общий успех западных держав: «Черчилль и Рузвельт встречались на Тихом океане. По существу, во всем выигрывают Англия и Соединенные Штаты. Что до меня, мне кажется, что они просто выиграли войну. Даже если Германия одержит победу над СССР, немецким войскам нападение на Великобританию будет не под силу <...> Когда Германия будет достаточно ослаблена, на нее нападут Англия и Америка»²⁶. Эфрон даже прогнозировал экономическую зависимость СССР от Великобритании и США для оптимального восстановления послевоенного хозяйства, хотя никогда не придерживался пораженческих настроений. Его слова содержали другую идею: интеллигенция знала Запад больше, чем знал советский народ, и, несмотря на патриотизм в целом, должна была рассматривать альтернативный победе исход войны и возможность советским деятелям науки и искусства эмигрировать за границу, прежде всего, на территорию союзных государств. Реализация такого варианта событий наиболее точно определяла двойное дно взаимоотношений: «в интеллигентах борется сознание, что союзники слишком много говорят и слишком мало делают, и желание попользоваться в будущем благами, исходящими от этих же союзников <...> И когда оказывается, что все-таки союзники не благотворительное учреждение, когда союзники медлят ли, мало бомбят ли, начинается возмущение, разговоры о предательстве»²⁷.

Задача для интеллигенции в случае поражения СССР была определена инстинктом самосохранения, а отнюдь не отрицанием советской идеологии или равнодушием к судьбе Родины. Далеко не все лица интеллектуального труда предпочли бы погибнуть или сдать в руки фашистам, поэтому их единственной альтернативой оставались союзные державы, отношение к которым было столь противоречивым. Связанные с США и Англией надежды находились в плоскости сохранения русской культуры и ее носителей, которые стали бы жертвой нацистов в случае поражения советской власти.

²⁴ ОР РГБ. Ф. 801. К. 1. Ед. хр. 9. Л. 187.

²⁵ РГАЛИ. Ф. 2057. Оп. 2. Д. 30. Л. 164–165.

²⁶ Эфрон 2004/1, 524–525.

²⁷ Эфрон 2004/2, 138.

Однако контроль властных структур над социокультурными контактами полностью сковывал инициативу советской интеллигенции. Деятели науки и искусства не могли решить вопрос о расширении связей с союзными державами и часто отчаивались от невозможности делать то, что они умели и считали нужным из-за бдительности цензуры. Высокопоставленные чиновники, как правило, использовали имена и авторитет ученых как бренд. Например, в июне 1942 г. на совещании о советской музыкальной пропаганде за границей композиторы четко высказались за то, чтобы «забрать дело музыкальной пропаганды в свои руки», потому что «чувство нового нельзя передоверять буржуазному коммерсанту»²⁸. Помощь Музыкального издательства (Музгиза) в данном вопросе была определена как слабая. В ответ заведующая Английским отделом ВОКС Л. Кислова апеллировала к разрыву между возможностями отправки музыки и списком необходимых произведений (большие формы стоили дороже), отметив недостаточную помощь Союза композиторов, не заинтересованных работать на «холостом ходу»²⁹.

Заключение

В целом, отношение интеллигенции к союзникам было самым сложным и неоднозначным среди всех социальных групп советского общества. С одной стороны, восприятие базировалось на комплексе знаний по истории и культуре стран Запада, личном или заочном знакомстве со многими деятелями английской и американской науки и искусства и приближенности к источникам информации. В результате складывался «социально-бытовой» образ союзника, который способствовал формированию и расширению представлений народа о западных державах. К примеру, в путевых заметках С. Михоэlsa, облаченных в форму лекций для советской общественности, встречались характеристики американцев (быстрота, конкретность, деловитость, техническая оснащенность, интерес к России) и англичан (чопорность, следование этикету и традициям, противопоставление себя другим народам³⁰), напоминающие развернутый набор образов у других категорий населения.

С другой стороны, у интеллигенции наличествовал «политический» образ союзников, включающий в себя патриотический настрой и желание сотрудничать с Западом на равноправной основе, а также опасения за свою судьбу перед собственной властью, что ограничивало инициативу интеллигенции в расширении контактов с представителями союзных держав. Особое место также занимал интерес к Англии и США как потенциальным работодателям в случае поражения Советского Союза. Эти факторы сформировали многоуровневый образ союзников, в котором тонкая грань определяла переплетение положительных и отрицательных характеристик, испытывающих зависимость от международной обстановки.

²⁸ ГАРФ. Ф. 5283. Оп. 14. Д. 99. Л. 128об.

²⁹ ГАРФ. Ф. 5283. Оп. 14. Д. 99. Л. 128.

³⁰ ГАРФ. Ф. 5283. Оп. 1. Д. 59. Л. 1–64.

ЛИТЕРАТУРА

- Афанасьева, Ю.Н. (сост.) 1985: *Публицистика периода Великой Отечественной войны и первых послевоенных лет*. М.
- Бабин, А.И. (сост.) 1985: *Величие подвига советского народа: Зарубежные отклики и высказывания 1941–1945 гг. о Великой Отечественной войне*. М.
- Ефимов, Б.Е. 2000: *Десять десятилетий о том, что видел, пережил, запомнил*. М.
- Костырченко, Г.В. (ред.) 1996: *Еврейский антифашистский комитет в СССР, 1941–1948: документированная история*. М.
- Невежин, В.А. 1990: Из истории культурных связей СССР с Великобританией и США в рамках антигитлеровской коалиции (1941–1945 гг.). В сб.: *Духовный потенциал советского народа в Великой Отечественной войне*. М., 202–226.
- Ортенберг, Д.И. 1988: *Год 1942: Рассказ-хроника*. М.
- Петрова, Н.К. 1999: *Антифашистские комитеты в СССР: 1941–1945 гг.* М.
- Симонов, К.М. 1967: *Собрание сочинений*: в 6 т. М.
- Симонов, К.М. 2005: *Разные дни войны. Дневник писателя*: в 2 т. М.
- Улановская, Н.М., Улановская, М.А. 1994: *История одной семьи*. М.
- Эфрон, Г.С. 2004: *Дневники*: в 2 т. М.

REFERENCES

- Afanas'eva, Ju.N. (sost.) 1985: *Publicistika perioda Velikoj Otechestvennoj vojny i pervyh poslevoennyh let*. Moscow.
- Babin, A.I. (sost.) 1985: *Velichie podviga sovetskogo naroda: Zarubezhnye otkliki i vyskazyvaniya 1941–1945 gg. o Velikoj Otechestvennoj vojne*. Moscow.
- Efimov, B.E. 2000: *Desjat' desjatiletij o tom, chto videl, perezhil, zapomnil*. Moscow.
- Jefton, G.S. 2004: *Dnevniki*: v 2 t. Moscow.
- Kostyrchenko, G.V. (red.) 1996: *Evrejskij antifashistskij komitet v SSSR, 1941–1948: dokumentirovannaja istorija*. Moscow.
- Nevezhin, V.A. 1990: Iz istorii kul'turnyh svjazej SSSR s Velikobritaniej i SShA v ramkah anti-gitlerovskoj koalicii (1941–1945 gg.). In: *Duhovnyj potencial sovetskogo naroda v Velikoj Otechestvennoj vojne*. Moscow, 202–226.
- Ortenberg, D.I. 1988: *God 1942: Rasskaz-hronika*. Moscow.
- Petrova, N.K. 1999: *Antifashistskie komitety v SSSR: 1941–1945 gg.* Moscow.
- Simonov, K.M. 1967: *Sobranie sochinenij*: v 6 t. Moscow.
- Simonov, K.M. 2005: *Raznye dni vojny. Dnevnik pisatelja*: v 2 t. Moscow.
- Ulanovskaja, N.M., Ulanovskaja, M.A. 1994: *Istorija odnoj sem'i*. Moscow.

THE SOVIET INTELLIGENTSIA AND THE ANTI-HITLER COALITION ALLIES:
THE VIEWS AND PERCEPTIONS OF THE PROBLEM

Ilya O. Koldomasov

Nosov Magnitogorsk State Technical University, Magnitogorsk, Russia,
koldomasov@inbox.ru

Abstract. During the Second World War the Soviet intelligentsia had a special place in the system of inter-allied relations. On the one hand, its representatives were “national speakers”, whose status and popularity were to promote the development and consolidation of relations between the Soviet Union, the United States and Great Britain. On the other hand, those

characteristics attracted attention to the intellectual elite from the state security. The Soviet leadership tried to use the creative and scientific intelligentsia, as a kind of “bait”, which stimulated the interest of Western states to the Soviet Union. At the same time the limits have always been under the full control of the political elite. Among the intelligentsia existed a burning desire to escape from the government’s care and frank conformism in relations with the authorities determined by motives of self-preservation.

The attitude of the Soviet intelligentsia to the allies was equally controversial. With greater (compared with the average citizens) sources of information about Western countries, including personal acquaintance with famous foreign science and art personalities, Soviet intellectuals could quite deep and accurately describe the main trends in the relations with the allies and produce their social and psychological portraits. However, there was a subjective assessment of the West. The defeat in the war could make the Soviet writers, artists, composers seek asylum abroad. It restrained open criticism of the allies. The result of this duality has become a multi-level and controversial image of the Western allies, which was broadcast in the mass consciousness of Soviet society. It required the country’s leadership.

Key words: Soviet intelligentsia, anti-Hitler coalition, allies, Soviet writers, Jewish anti-fascist committee, censorship, the image of the allies
